

РАЗГРОМ ОЧАГОВ ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ *

Д. Л. Голиков

Буржуазная контрреволюция продолжала подрывную деятельность, присоединяясь к любому антисоветскому движению. В июне 1921 г. Петроградская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией нашла на след подпольной группы бывших участников Кронштадтского мятежа, носившей название «Объединенная организация кронштадтских моряков». Ее руководителем являлся бывший матрос линейного корабля «Петропавловск» М. Комаров, исполнявший во время мятежа обязанности коменданта Временного кронштадтского ревкома. На его квартире, являвшейся штабом заговорщиков, чекисты нашли динамит, документы, печать, бланки и штамп, а также типографский станок, на котором печатались прокламации. Здесь арестовали несколько активистов группы. Как выяснилось, Комаров с несколькими бывшими матросами прибыл нелегально в Петроград из Финляндии по заданию бывшего председателя контрреволюционного Временного кронштадтского ревкома С. Петриченко для антисоветской работы. Заговорщики вербовали сторонников, создавали подпольные ячейки в разных районах города, во главе которых они ставили своих людей, преимущественно из числа бывших участников кронштадтского восстания. Так называемым начальником Василеостровского района был назначен А. Федоров, начальником Невского района — П. Ищенко, начальником 2-го городского района — И. Анплев (он же Андреев), прибывшие из Финляндии. Все эти «активисты» получали от организации ежемесячное вознаграждение в размере 400 тыс. рублей (советскими денежными знаками того времени). Наряду с «организационной работой» заговорщики осуществляли диверсионные и террористические акты, занимались сбором шпионских сведений.

Чекисты установили, что «Объединенная организация кронштадтских моряков» являлась частью другой, более крупной — «Петроградской боевой организации» («ПБО»), во главе которой стоял профессор В. Таганцев, участник ликвидированного в свое время «Национального центра». Таганцев, арестованный в первые же дни раскрытия дела, долго и упорно отказывался дать объяснения, скрывая правду. Но все же в конце июля удалось получить от него нужные сведения. Стало известно, что во главе «Петроградской боевой организации» стоял комитет из трех лиц: его руководителя В. Таганцева, бывшего подполковника артиллерии В. Шведова (кличка «Вячеславский») и бывшего офицера, агента финляндской разведки Ю. Германа (кличка «Голубь»). Эта организация, созданная еще до Кронштадтского мятежа, придерживалась кадетского направления. Она включала, кроме «Объединенной организации кронштадтских моряков», еще две группы — профессорскую и офицерскую.

Профессорская группа, куда входили известный финансист князь Д. Шаховской, проректор Петроградского университета, бывший сенатор профессор Н. Лазаревский, бывший сенатор Манухин, профессор М. Тихвинский и другие, «идейно» направляла деятельность организации и разрабатывала проекты государственного и хозяйственного переустройства России после того, как, по их мысли, будет свергнуто Советское правительство. Н. Лазаревский, например, подготовил проекты по вопросам местного самоуправления, денежной реформы и кредита. Профессор Тихвинский, связанный с бывшими служащими нефтяной предприятий Нобеля, разрабатывал соответствующие планы и собирал сведения о состоянии нефтяной промышленности страны. Готовые проекты и планы эта организация отсылала в свой заграничный центр в Париже, а сведения о состоянии нефтяной промышленности — бывшим владельцам нобелевских предприятий. По показаниям В. Таганцева, он вместе с князем Д. Шаховским (скрывшимся за границу) пытался создать подпольные банковские конторы, чтобы срывать финансовые мероприятия Советского правительства. В профессорскую группу вошли также пост Н. Гумилев, автор антисоветских прокламаций и участник подготовки контрреволюционного вооруженного восстания; бывший князь К. Туманов, работавший в информационном центре РОСТА и использовавший его материалы в интересах контрреволюции; бывший князь С. Ухтомский; геолог В. Козловский, на квартире которого хранились динамит и белогвардейская литература.

* Продолжение. Начало см.: «Вопросы истории», 1967, № 12.

Офицерская группа, во главе которой стоял сподвижник Юденича подполковник П. Иванов, подготовила план вооруженного восстания в Петрограде и Петроградской губернии. Она мыслила начать восстание одновременно в Петрограде, Рыбинске, Старой Руссе, Бологом и на станции Дно и, таким образом, отрезать Петроград от Москвы. Петроград был разбит на районы, и в каждом из них во главе мятежных сил поставлен опытный офицер. Группе удалось привлечь к своей деятельности нескольких бывших офицеров, служивших в Красной Армии и на флоте. Среди них были: Н. Подня (он же Буттель-Подлобный), бывший дворянин, скрывший свое прошлое, обманным путем вступивший в Коммунистическую партию и занявший пост комиссара роты 3-го минно-подводного дивизиона; Г. Рооп, сын генерала, офицер того же дивизиона, снабжавший различными сведениями членов подпольной организации и шпионов.

Профессор В. Таганцев лелеял мечту создать «массовую базу», на которую могла бы опираться «ПБО», и искал связей с антисоветскими группами, действовавшими среди рабочих. Во время Кронштадтского мятежа члены «ПБО» (например, один из лидеров организации, В. Шведов, Е. Манухина) распространяли среди рабочих прокламации контрреволюционного содержания, выступали с антибольшевистскими речами на заводских собраниях. Кадет Таганцев не прочь был согласиться с кронштадтскими лозунгами «Свободные перевыборы в Советы» и «Советы без большевиков», не без основания полагая, что эти призывы могут послужить делу контрреволюции. В поисках связи с «демократическими» элементами он вошел в контакт с так называемой группой «Уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов г. Петрограда», созданной по меньшевистским рецептам. Эта группа представляла собой авантюристический блок выходцев из разных «социалистических» партий. Она выступала под флагом «беспартийности» и вела антисоветскую пропаганду на предприятиях. Деятельную помощь в установлении связи с этой группой оказал Таганцеву меньшевик, кооператор Н. Ястребов. Вот что говорится в его показаниях: «В конце марта [1921 г.] ко мне обратился Михаил Кондратович Названов с предложением познать одну политическую группу, имеющую связь с границей, с меньшевиками... Названов прислал ко мне в кабинет Владимира Николаевича (теперь при очной ставке я вижу, что это Владимир Николаевич Таганцев). Я вызвал к себе в кабинет Павла Николаевича Богомила, старого активного меньшевика, служащего в союзе рабочих производственных кооперативов в должности инспектора... Свидание Богомила с Владимиром Николаевичем состоялось у меня в кабинете. О существовании союза «Уполномоченных фабрик и заводов» я узнал от Богомила, кажется, во время кронштадтских событий... От разговоров с Богомилом и Назаровым у меня составилось впечатление, что этот социалистический блок, включавший также эсеров, носит несколько авантюристический характер, ничего серьезного в смысле широкого массового движения собой не представляет. Этот блок стоял как будто на платформе кронштадтских лозунгов — беспартийных Советов, — но в этом блоке было и течение, стоящее за Учредительное собрание... В начале мая с. г. Владимир Николаевич принес мне для передачи Богомилу отпечатанные за границей воззвания «Союза уполномоченных фабрик и заводов» и белые газеты¹.

«Петроградская боевая организация» помогала группе «Уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов» издавать за границей антисоветские прокламации для распространения на предприятиях Петрограда. В сообщениях ВЧК по этому поводу говорилось: «В мае месяце сего года между Таганцевым и этим блоком [группа «Уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов»] было заключено соглашение, в силу которого «ПБО» обязалась предоставлять свои технические средства и аппарат связи для нужд блока». По показаниям Таганцева, представители блока пытались склонить его к подчинению «ПБО» идейному руководству «социалистического блока». «С нашей стороны, — говорил Таганцев, — за моральное воспитание наших членов он [представитель блока] желал получить денежную субсидию, а равно техническое содействие работе блока. По вопросу о технической помощи мы изъявили согласие, от моральной опеки мы с Комаровым нашли необходимым воздержаться»².

Попытки «ПБО» вовлечь в свои ряды трудящихся неизменно заканчивались неудачей; мечты Таганцева о «массовой базе» для своей организации не сбылись. В мае 1921 г. Таганцев вступил в переговоры с так называемым Временным кронштадтским ревкомом (обосновавшимся в Финляндии), главари которого С. Петриченко, Яковенко, Ососов направляли бывших участников Кронштадтского мятежа, интернированных в Финляндии, в Россию для подпольной деятельности в разных антисоветских группах. Между «ПБО» и Временным кронштадтским ревкомом было достигнуто соглашение, по которому в Петроград прибыло несколько матросов во главе с Комаровым. Их «работу» оплачивала «ПБО». Эта группа заменила собой «массовую базу» организации и на нее возлагали надежды главари заговора.

«Объединенная организация кронштадтских моряков» занялась вербовкой сторонников и подготовкой террористических актов и диверсий. Так называемым «начальником террора» был матрос В. Орловский (он же Хейманен, Лаврий Хейманович, Варнухин, Скобелев), агент финляндской и американской разведок, приговоренный заочно

¹ См. И. Вардин. Революция и меньшевизм. М. 1925, стр. 144—145.

² См. «Известия ЦИК», 31.VIII.1921.

к расстрелу за шпионаж еще в 1919 году. Группа Орловского готовила взрывы предприятий и складов, покушения на ответственных деятелей большевистской партии; она собиралась совершить налет на поезд, в котором перевозили государственные ценности (так называемый поезд Л. Б. Красина). Ей удалось поджечь трибуны в день празднования Первомая, а также взорвать памятник, сооруженный М. М. Володарскому в Петрограде.

Из центра «ПБО», созданного за границей, организация получала десятки миллионов рублей. В сообщении ВЧК указывалось: «ПБО» имела значительные связи с белыми кругами за рубежом. До «съезда национального объединения» центр этой организации в Париже составляли генерал Владимиров, кадеты Карташев и Струве, бывший царский министр Коковцов, Иваницкий и другие... В Финляндии центр организации составляли редактор белой газеты «Новая русская жизнь», бывший ректор Петроградского университета профессор Д. Grimm, член редакции той же газеты кадет Новицкий и глава русского Красного Креста в Финляндии профессор Цейдлер... Задачи вооруженного восстания были тесно связаны с интенсивной работой по шпионажу в пользу финского генерального штаба и Франции. По показаниям участников заговора, политический и экономический шпионаж являлся одним из источников финансовых средств для работы в белых организациях. По отношению к Финляндии доставляемые петроградскими организациями сведения о положении Советской республики служили компенсацией за допущение Финляндией существования на ее территории зарубежных белых центров и свободного перехода курьеров через границу. Курьеры «ПБО» Судравский, Волотов, Таль и один из лидеров, Герман, состояли на службе разведывательного отдела финского генерального штаба»³.

Арест Таганцева, гибель шпиона Германа («Голубь»), задержанного при переходе границы и убитого во время перестрелки, внесли замешательство в работу «ПБО». Произошла и смена ее зарубежного руководства. На съезде правых белоэмигрантских группировок в Париже контрреволюция объединилась под руководством бежавшего из России с остатками своих войск барона Врангеля, который возглавил «Союз освобождения России». Финансирование этой монархистской организации взял на себя «Торгово-промышленный комитет». Один из главарей «ПБО», В. Шведов, вошедший в «Союз», получил задание выехать в Петроград для активизации работы «ПБО» и объединения всех правых группировок. В Петроград был послан и резидент «Союза освобождения России» лейтенант П. Лебедев. Но надежды заговорщиков, связанные с выездом в Петроград Лебедева и Шведова, не оправдались. ВЧК выследила их. На квартире бывшего морского офицера Г. Золотухина, служившего на советском эсминце «Азарт», чекисты устроили засаду, в которую и попал Лебедев. Он оказал вооруженное сопротивление, застрелил одного из чекистов, но был арестован. На явочной квартире «ПБО», содержавшейся бывшей дворянкой Т. Арнольд, сотрудник Особого отдела ВЧК арестовали и Шведова, который также отчаянно сопротивлялся и застрелил двух чекистов.

Арест Лебедева и Шведова позволил выявить новые шпионские гнезда, насчитанные «ПБО» и «Союзом освобождения России». В результате были ликвидированы явочные квартиры финляндской, американской, французской и английской разведок в Петрограде (эти квартиры содержали дочь царского генерала О. Рафаилова, бывшая дворянка Е. Манухина, купец И. Калачев, бывшая помещица О. Лунд, дочь царского полковника М. Карловича, контрабандисты В. Матвеев и К. Зубер, некая Е. Антипова) и арестован ряд шпионов. На явочной квартире американской разведки у морского офицера Г. Дмитриева был обнаружен курьер американской разведки Старк, который застрелил двух чекистов и скрылся. В сообщении ВЧК указывалось: «ПБО» поддерживала тесную связь с другими белыми организациями в Петрограде, например, с американской разведкой; курьеры ее были связаны с курьерами другой русской белой организации, действовавшей под флагом французской разведки. Организация, действовавшая под флагом американской разведки, располагала рядом явочных квартир в Петрограде и имела связи среди кругов бывшего морского офицерства (флаг-интендант штаба Балтийского флота бывший лейтенант Дмитриев, мичман Золотухин, мичман Кунцевич и другие). Эта организация прислонила после крошадтского восстания к созданию боевых ячеек из матросских групп, прибывших из Финляндии. До этого она являлась чисто шпионской организацией, продававшей добываемые ею информации о политическом, военном и экономическом положении республики финскому генеральному штабу и запрашивала американского империализма... Организация, действовавшая под флагом французской разведки, пользовалась покровительством французского консульства в Гельсингфорсе... Во главе организации стоят бывшие русские офицеры Николай Лион и Степанов (псевдоним «Стефан»). В Петрограде во главе организации стояли бывший колчаковец капитан Мейзе, подполковник Дурново, врид начальника 2-го отдела Петроградского окружного артиллерийского управления и бывший контр-адмирал Зарубаев, начальник управления военно-морских учебных заведений. Организация эта вначале ставила себе исключительно разведывательные цели в пользу Франции, но после Крошадтского мятежа по предписанию из-за границы в организации возникает вопрос о создании боевых групп из числа матросов, направляемых при посредничестве барона Вилькена

³ Там же.

из Финляндии, размещении этих матросов по заводам и прочее. Эта организация доставляла информационный материал для «группы генерала Ключева», с одной стороны, и для морской белогвардейской организации барона Вилькена в Финляндии — с другой»⁴.

Из изложенного видно, насколько широко раскинули сети в России иностранные разведки, связанные с белой эмиграцией. Всем этим шпионам был нанесен сокрушительный удар. Общее число арестованных по делу «ПБО» составило свыше 200 человек. По постановлению Петроградской чрезвычайной комиссии от 28 августа 1921 г. наиболее опасные из них, в том числе Таганцев, Шведов, Лебедев, Орловский, были расстреляны, остальные приговорены к тюремному заключению.

Буржуазной контрреволюции принадлежала также главная роль в осуществлении актов вредительства в народном хозяйстве Советской страны. Первые такие попытки имели место сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции. Чиновничество и буржуазная интеллигенция участвовали в актах саботажа мероприятий рабоче-крестьянской власти. Саботажники, отказываясь работать в советских учреждениях и на предприятиях, намеревались поставить пролетарское государство в безвыходное положение и таким путем заставить рабочих и крестьян отказаться от власти. Вскоре, однако, они убедились в безуспешности своих действий: новая администрация и без их помощи овладевала государственным и хозяйственным аппаратом. Тогда они прекратили саботаж и приступили к работе. Но некоторая часть чиновничества и буржуазной интеллигенции не оставила антисоветской деятельности. Она лишь изменила ее форму, на смену саботажу поставив экономическое вредительство и шпионаж в пользу антисоветских политических и хозяйственных объединений, созданных белой эмиграцией за границей.

Подробности антисоветской деятельности в области экономики впервые стали известны в связи с делом служащих нефтяных предприятий бывшего акционерного общества «Нобель»*, раскрытым в 1921 г. вместе с заговором «Петроградской боевой организации». Выяснилось, что еще в ноябре 1918 г. член правления акционерного общества Густав Нобель перед отъездом за границу собрал в Петрограде группу ответственных служащих фирмы и, обещая им денежное вознаграждение, просил принять меры к сохранению технического и материального оборудования предприятий с тем, чтобы в момент, когда, как он надеялся, Советская власть будет свергнута, вернуть их акционерному обществу. В 1919 г. образовавшаяся в Финляндии отраслевая нобелевская организация, входившая в «Торгово-промышленный комитет» (ее возглавляли полковник Бунаков и некто Лебурье), приступила к экономическому шпионажу в Советской России. Она пересылала своим агентам ежемесячно денежные суммы для раздачи старым служащим фирмы «Нобель» и получала регулярные отчеты о добыче нефти и состоянии предприятий. Для этого использовались нелегальные связи, а также услуги дипломатических представителей (дипкурьеры буржуазной Эстонии). Главными нобелевского шпионажа являлись уже известный нам участник заговора «ПБО» профессор М. Тихвинский и управляющий Петроградским районным нефтяным комитетом бывший голландский подданный В. Гармсен, в сферу «влияния» которого входил и Баку. В заговоре участвовали также: лаборант Петроградской конторы Главнефти Х. Казин, доверенное лицо капиталистов по распределению денег, получаемых из-за границы, начальник технического правления Главнефти в Москве В. Истомин и ряд других лиц.

С введением нэпа обособившийся в Париже «Торгово-промышленный комитет» и бывшие собственники предприятий, входившие в него, поставили перед своими агентами, оставшимися работать в Советской России, задачу не только сохранить предприятия в целости, но и помочь получить их старым хозяевам в порядке денационализации или в концессию. В 1921 г. эмигрировавшие за границу бывшие владельцы «Товарищества мануфактуры Коншина» братья Кнопп совместно с другими русскими текстильными фабрикантами образовали в Германии объединение «Висбаденское соглашение», продолжавшее их дореволюционную коммерческую деятельность. Фабриканты рассчитывали, что им удастся в скором времени вернуть свои предприятия. Чтобы знать их состояние, участники «Висбаденского соглашения» открыли в Берлине контору, во главе которой поставили бывшего директора-распорядителя «Товарищества мануфактуры Коншина» А. Ценкера, бежавшего из России. Ценкер создал в России шпионскую сеть, в которую вовлек многих бывших служащих товарищества. Эта сеть была настолько широка, что, как выяснилось впоследствии, учрежденный в Советской России осенью 1921 г. Серпуховский текстильный трест почти целиком оказался во власти лиц, выполнявших задания «Висбаденского соглашения». Одним из деятельных агентов Ценкера стал заведующий товаро-производственным отделом треста бывший член правления коншинских фабрик Н. Калинин, который организовал сбор сведе-

⁴ Там же.

* Его полное название — «Товарищество братьев Нобель». Оно было основано в 1876 г. Людвигом, Робертом и Альфредом Нобель и стало крупнейшей нефтяной фирмой в царской России. Перед Октябрьской революцией его возглавлял сын Людвига Эммануил Нобель (с 1918 г. эмигрант). Известные Нобелевские премии были учреждены по завещанию Альфреда Нобеля, совладельца динамитных трестов в ряде зарубежных стран.

ний о состоянии текстильной промышленности, а также распределял между старослужащими «хозяйские подачки». Их получали заведующий финансовым отделом треста М. Епанешников, главный бухгалтер Московского отделения треста С. Шелягин, заведующие некоторыми отделами. К этой группе примыкал и бывший смоленский губернатор К. Шумовский, занимавший тогда в тресте должность заведующего отделом продовольственного снабжения.

В 1922—1923 г. французские капиталисты, бывшие руководители «Анонимной платиново-промышленной компании», владевшей до революции приисками на Урале, учредили фирму «Эндюстриель де платин» и возбудили ходатайство перед Советским правительством о передаче им прежних предприятий для эксплуатации в порядке концессии. Представитель «Эндюстриель де платин» французский геолог профессор Дюпарк направил Советскому правительству доклад, в котором доказывал «выгодность» для России заключения такого соглашения. Его доклад изобилует столь подробными и достоверными сведениями о состоянии советской платиновой промышленности, что обратил на себя внимание. Вскоре ГПУ обнаружило того, кто столь точно информировал французоз. Это был известный на Урале профессор университета Модест Клер, заведующий геологоразведочной частью треста «Уралплатина» и одновременно председатель Уральского научного общества любителей естествознания. Злоупотребив оказанным ему как ученому доверием, Клер (являвшийся швейцарским подданым) предложил французской компании свои услуги и содействовал ее представителям при переговорах о концессии. Клер писал французскому профессору Дюпарку: «Многоуважаемый и дорогой учитель! Если тем или иным образом я могу быть Вам полезен, я с удовольствием сделаю геологические изыскания для заинтересованных групп, которые Вы представляете. Я мог бы, если обстоятельства мне не помешают, приехать в Швейцарию за их счет, чтобы их осведомить и сговориться о способе «действовать». Компания «Эндюстриель де платин», приняв предложение Клера, наладила с ним связь через своего агента полковника Жильбера Сютель-Дюлонга, до первой мировой войны заведовавшего коммерческой частью французских приисков, а в то время являвшегося на Урале директором французской миссии Красного Креста по оказанию помощи голодающим. В письме на имя директора компании «Эндюстриель де платин» Брэна «благотворитель»-разведчик Дюлонг сообщал: «Клер был мне весьма полезен и снабдил меня массой документов (некоторые из них весьма секретны, что могло ему стоить жизни). Он может быть нам полезен и в будущем. Надеюсь, что Париж поблагодарит меня. По мнению Клера, лучше не писать ему непосредственно. Я знаю здесь одного человека, которому можно доверять вполне. Условимся: все письма, которые Вы будете печатать четным числом, будут для Клера, а нечетным — для меня»⁵. Обнаруженная ГПУ переписка красноречиво свидетельствовала о преступлении Клера. Советское правительство отказало французской компании в предоставлении концессии. А Модест Клер был арестован и в 1924 г. осужден за экономический шпионаж на десять лет лишения свободы.

15 декабря 1923 г. жена главного инженера Кадиевского рудоуправления в Донбассе Гулякова сообщила ГПУ, что ее муж вместе с другими инженерами занимается экономическим шпионажем. Она рассказала, что по поручению мужа несколько раз встречалась в Харькове с представителем польского консульства Ружицким, передавала ему секретные сведения о состоянии рудников и получала от него крупные суммы, которые распределялись среди работников рудоуправления. ГПУ произвело расследование и выявило группу инженерно-технических работников Кадиевского рудоуправления, занимавшихся экономическим шпионажем и вредительством под руководством бывших владельцев «Днепрового южнорусского металлургического общества» и при содействии польского консульства в Харькове. В 1919 г., после разгрома денкинцев, правление «Днепрового южнорусского металлургического общества» эвакуировалось в Польшу. Покидая пределы России, правленцы поручили некоторым ответственным служащим, оставшимся на месте, сохранить в целости предприятия «до скорого возвращения правления» и информировать его о положении дел; правленцы обещали за эти услуги платить. Из-за границы деятели правления организовали связь со своей агентурой, используя для этого аппарат польского консульства в Харькове, куда был назначен в качестве коммерческого советника бывший член правления общества Ружицкий. Этот-то Ружицкий и вовлек главного инженера Кадиевского рудоуправления Гулякова в шпионскую работу. В течение 1921—1923 г. Гуляков и его сообщники (инженеры Балтайтис, Манукьян, Годзевич и другие) систематически выполняли задания Ружицкого, передавали ему сведения о техническом и хозяйственном состоянии рудников, занимались вредительством. Другая группа вредителей была разоблачена на Днепровском металлургическом заводе в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). В 1919 г. бывшие члены правления «Днепрового южнорусского металлургического общества» оставили на этом предприятии своего «уполномоченного» — главного инженера Жарновского. Тот привлек к экономическому шпионажу некоторых служащих завода, платя им за это деньги, которые он получал от старых хозяев. В 1922 г. Жарновский бежал в Польшу, захватив с собой документы о состоянии завода. Остальные вредители были разоблачены и осуждены в 1924—1925 г. судебными органами на разные сроки лишения свободы. Позднее ГПУ выявило вредителей и в угольной промышлен-

⁵ «Правда», 24.II.1924.

ности. Выяснилось, что отдельные инженеры имели связи с бывшими хозяевами рудников, выехавшими за границу. Инженер Шадлун поддерживал контакты с бывшим директором акционерного общества Берестово-Богодуховского района французским капиталистом Ремо; инженер Матов — с директором-распорядителем Донецко-Грушевского акционерного общества Дворжанчиком; инженер Детер — с бывшим владельцем Кондратьевских рудников и бывшим министром торговли и промышленности белогвардейского Донского правительства Фениным; инженер Сушевский — с бывшим членом правления акционерного общества по разработке угля и соли на юге России французским капиталистом Сансе; инженер Кувалдин — с бывшим капиталистом Параноным.

В 1923 г. в Париже из остатков существовавшего до революции капиталистического объединения «Совет съездов горнопромышленников юга России» образовалось «Объединение бывших горнопромышленников юга России» во главе с Соколовым, Прядкиным, Бурозом, Фениным. Это «Объединение» руководило вредительской деятельностью оплачиваемых капиталистами инженеров. Такую же работу вело «Польское объединение бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе», действовавшее под руководством Дворжанчика. Тогда же началось объединение вредительских групп, имевшихся на отдельных рудниках. В 1923—1924 гг. образовался «Харьковский центр», состоявший главным образом из инженеров «Донугля», для объединения вредительской деятельности в Донбассе. Эта организация подготовляла наиболее выгодные условия получения бывшими владельцами «своих» предприятий в порядке денационализации или концессии. Вредители прилагали усилия к тому, чтобы на рудниках накапливалось механическое оборудование, которое, однако, не использовалось бы до определенного момента; стремились к восстановлению и переоборудованию в первую очередь таких шахт, которые требовали больших капитальных затрат; тормозили разработку новых, экономически выгодных участков путем искусственной задержки разведок.

По мере развития народного хозяйства и роста социалистического уклада в экономике страны надежды бывших собственников и их агенты на возвращение им национализированных предприятий рушились. Что касается вредительства, то оно стало принимать иные формы. Свидетельством тому является «Шахтинское дело», которое было раскрыто уже в 1928 году.

III. Мелкобуржуазная контрреволюция

Основное ядро свергнутого народом Временного правительства составляли представители «социалистических» партий. Это были неоднородные по составу организации, отражавшие пестроту того социального слоя, который они представляли, — мелкую буржуазию. Здесь были так называемые народные социалисты (трудовики); партии, представлявшие все оттенки народнического, эсеровского мировоззрения; меньшевики. Всех их объединяло неверие в творческие силы рабочего класса. Их идеалом было создание путем соглашения с буржуазией «демократического» строя, подобного западноевропейским буржуазным образцам. От других противников Великой Октябрьской социалистической революции, деятели этих партий отличались тем, что, пользуясь остатками своего бывшего влияния в народе, они пытались прикрывать антисоветскую деятельность социалистической фразеологией. В 1917—1918 гг. они возглавляли многие антисоветские движения, в частности перевороты, приведшие к созданию в ряде мест правительства «учредительской демократии». Вначале мелкобуржуазные «социалистические» партии были в Советской республике легальными партиями и участвовали в работе законодательных и исполнительных органов. Но после того как они образовали вооруженный фронт борьбы против Советской власти, ВЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов 14 июня 1918 г. вынес следующее постановление: «Принимая во внимание, 1) что Советская власть переживает исключительно трудный момент, выдерживая одновременно натиск как международного империализма, так и его союзников внутри Российской Республики, не стесняющихся в борьбе против Рабоче-Крестьянского правительства никакими средствами, от самой бесстыдной клеветы до заговора и вооруженного восстания; 2) что присутствие в советских организациях представителей партий, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов, является совершенно недопустимым; 3) что... ясно обнаруживается, что представители партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, вплоть до самых ответственных, избоблены в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами на Дону — Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком и, наконец, в последние дни с чехословаками, примкнувшими к последним черносотенцами, ВЦИК постановляет: исключить из своего состава представителей партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, а также предложить всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды»⁶.

⁶ «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства», 1918, № 44, ст. 536.

В конце 1918 г. почти на всей территории, занятой контрреволюцией, монархистские элементы вырвали власть у правительства «учредительской демократии» и установили режим военной диктатуры. Тогда «социалистические» партии заявили об изменении своего отношения к Советской власти. Сперва меньшевики, а затем и правые эсеры осудили свою тактику действий и начали «примирение» с рабоче-крестьянской властью. В связи с этими новыми тенденциями в политике мелкобуржуазных партий ВЦИК 30 ноября 1918 г. отменил постановление от 14 июня в отношении меньшевиков, а 26 февраля 1919 г. — в отношении правых эсеров. Обе партии были легализованы и получили право вновь участвовать в советской работе. Дальнейшие события показали, однако, что правые эсеры и меньшевики лишь изменили свою тактику в силу сложившихся обстоятельств; политическая линия этих партий и после «примирения» оставалась зигзагообразной: они лавировали, а порою проявляли прямую готовность сговориться с реакцией. Кроме того, у эсеров и меньшевиков имелись «активистские» группы, продолжавшие участвовать в антисоветской работе. Но среди мелкобуржуазных партий были и такие, которые даже формально не отказывались от политики соглашения с буржуазией. К их числу принадлежала партия народных социалистов, продолжавшая еще и в 1919 г. вместе с кадетами участвовать в «Союзе возрождения России». Председатель Южнорусского отделения этого союза В. Мякотин впоследствии рассказывал, что его организация, не разделяя «во всем политической линии» денкининщины, считала все же нужным поддерживать ее борьбу с Советской властью в надежде на возможные «демократические реформы». Деятели «Союза возрождения», игравшего роль легальной оппозиции при Деникине, неоднократно обращались к этому военному диктатору, рекомендуя различные проекты «улучшения» деятельности денкинского аппарата, но Деникин не считался с этими рекомендациями и заявлял: «С социалистами потом поговорим»⁷.

К непримиримым противникам Великой Октябрьской социалистической революции относился и «независимый социалист» (как он себя называл) Борис Савинков. Наконец, среди «социалистических» партий имелись и такие, которые под влиянием политических настроений мелкой буржуазии становились время от времени попутчиками большевиков и Советской власти. Таковыми являлись левые эсеры, эсеры-максималисты и анархисты.

Советскому правительству приходилось учитывать поведение мелкобуржуазных групп. В отчете VIII съезду РКП(б) 18 марта 1919 г. В. И. Ленин говорил: «Главный урок — быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и к мелкой буржуазии... От нас потребуются частая перемена линии поведения, что для поверхностного наблюдателя может показаться странным и непонятным. «Как это, — скажет он, — вчера вы давали обещания мелкой буржуазии, а сегодня Дзержинский объявляет, что левые эсеры и меньшевики будут поставлены к стенке. Какое противоречие!..» Да, противоречие. Но противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сестра, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево. Мы переменили по отношению к ней свою тактику, и всякий раз, когда она поворачивается к нам, мы говорим ей: «Милости просим». Мы нисколько не хотим экспроприровать среднего крестьянства, мы вовсе не желаем употреблять насилие по отношению к мелкобуржуазной демократии. Мы ей говорим: «Вы — не серьезный враг. Наш враг — буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры»⁸. Этими ленинскими указаниями руководствовались органы борьбы с внутренней контрреволюцией в годы гражданской войны. Они применяли меры принуждения в отношении тех представителей мелкобуржуазных партий, которые блокировались с белогвардейцами. Видный деятель ВЧК М. Я. Лацис писал: «Здравый смысл подсказывает [необходимость] обезопасить себя от ударов ножа в спину... Именно эти соображения побуждают нас изолировать из общества [путем заключения в концлагерь] почти всех правых и левых эсеров и часть активных меньшевиков и анархистов... Время от времени мы даем этим партиям возможность исправиться, повернуть свою работу в другом направлении»⁹. Арестованные члены мелкобуржуазных партий в годы гражданской войны рассматривались не как наказуемые, а как лица, «временно в интересах революции изолируемые от общества»; по приказу председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского условия их содержания в заключении не должны были носить карательного характера¹⁰. Рассмотрим наиболее характерные факты антисоветской деятельности отдельных групп мелкобуржуазной контрреволюции и борьбы с ними в первые годы Советской власти.

а) Правозэсеровские заговорщики

Влияние партии социалистов-революционеров, пользовавшейся былой славой своих предшественников — народолюбцев, во время Февральской буржуазно-демократической революции значительно расширилось. Эсеры заняли важные позиции во Вре-

⁷ «На чужой стороне». Сборник XI. 1925, стр. 226—230.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 136—137.

⁹ М. Я. Лацис (Судрабс). Чрезвычайные комиссии и борьба с контрреволюцией. М. 1921, стр. 16—17.

¹⁰ Там же, стр. 62.

менном правительстве и многих общественных организациях. Однако соглашательская политика руководства эсеровской партии, ее коалиция с буржуазией, постоянное откладывание ею решения аграрного вопроса, политика продолжения непопулярной в народе империалистической войны вызывали возмущение народных масс. Победа Октябрьской революции, одержанная под руководством большевистской партии, явилась лучшим свидетельством падения авторитета социалистов-революционеров, как и прочих мелкобуржуазных партий. Именно поэтому социалисты-революционеры так отчаянно боролись против Октябрьской революции и Советской власти.

7—14 мая 1918 г. состоялся VIII совет партии социалистов-революционеров, который провозгласил своим официальным курсом организацию вооруженного восстания против Советской власти и создание «демократического правительства», избранного Учредительным собранием. Совет партии признал необходимым добиваться возобновления войны с Германией в союзе с правительствами стран Антанты, создания на территории России «восточного фронта» и считал «приемлемым для стратегических целей» появление войск стран Антанты на русской территории. Лидеры эсеров начали подготовку вооруженного восстания на Волге, откуда оно должно было, по их плану, распространиться по всей России. В Саратов, Самару, Царицын и другие города Поволжья они командировали своих людей для руководства антисоветскими выступлениями. Мятеж белочехов, начавшийся в мае 1918 г., способствовал эсерам в осуществлении их целей. На территории, занятой мятежниками, они образовали антисоветские «учредительские правительства». Как признал впоследствии член ЦК партии эсеров Д. Донской, деятельность всех правэсеровских партийных организаций в тылу Красной Армии направлялась «в русло поддержки образовавшегося Восточного фронта, в русло содействия приближению войск Комитета членов Учредительного собрания на запад... в русло ведения вооруженной борьбы против Советской власти... [Эсеровские организации] имели своей задачей облегчить продвижение народной армии и в случае ее прихода подготовить на данном месте, к моменту ее прихода, восстание»¹¹.

Активная антисоветская деятельность правых эсеров вынудила ВЧК принять меры против них. 10 июня 1918 г. чекисты узнали про нелегальное собрание эсеров на Николаевской улице в Петрограде и арестовали там десять работников военной комиссии при ЦК партии эсеров, в том числе руководителя комиссии Р. Леппера. Выяснилось, что военная комиссия собирала сведения о расположении, численности и моральном состоянии красноармейских частей, вербовала и направляла людей в районы мятежа для участия в военных действиях против Красной Армии. Она пользовалась поддельными документами, печатями, бланками красноармейских частей и издавала антисоветские прокламации, поддерживала связи с группой правых эсеров — «организацией налетчиков», занимавшихся грабежами («экспроприациями») для добычания средств на нужды партии. Главарь этой группы бывший офицер Погуляев-Демьяновский был убит при попытке к бегству во время ареста¹².

В августе Особый отдел ВЧК изучал полученные данные о заговоре в 4-й армии, во главе которого стояли бывший генерал Буренин, командир 2-го кавалерийского полка Бредихин, его помощник Шевелев и некто Ларин. Чекисты стали вести наблюдение за участниками заговора и вскоре арестовали белогвардейского офицера Н. Ракина, который сообщил, что был завербован в белую армию тайной организацией в Саратове. Завербованный его член этой организации И. Панфилов, квартира которого была ее сборным пунктом, предложил Ракину выехать в г. Покровск, Саратовской губернии, к заговорщику П. Поспелову и с его помощью переправиться через линию фронта к белогвардейцам. 15 августа Ракин и еще один офицер, Новичков, явились к Поспелову. Тот направил их к адъютанту 2-го кавалерийского полка Трущелеву, который должен был дать им проводника для перехода линии фронта. В это время в полку были получены сведения о провале заговора в 4-й армии. Боясь разоблачения, Трущелев бежал к белым вместе с Новичковым и Ракиным. Вскоре в Саратове чекисты задержали Панфилова и проживавшего в его квартире под именем В. Люблинского некоего С. Максимова. Максимов рассказал, что в мае 1918 г., приехав в поисках работы в Петроград, он познакомился с шофером Шульгинским, который предложил ему «работу» и представил некоему Ганжонкову. Ганжонков свел его с «Виктором Борисовичем», а последний направил его в дом № 22 по Литейному проспекту, где помещался эсеровский клуб. Здесь Максимов встретился с Е. Ивановой, которая рекомендовала ему поехать в Москву и выдала на дорогу деньги и фальшивые документы на имя И. Слепцова. Прибыв 27 июня в Москву, Максимов по указанному адресу явился к Н. Скурилиной и здесь получил адрес и пароль, по которому должен был выехать в Саратов. Там через разных лиц он и нашел Панфилова. Максимов стал одним из активных членов подпольной организации. Помимо вербовки и переправки бывших офицеров в район расположения белогвардейской армии, заговорщики занимались засылкой своих людей в советские воинские части. Таким путем комплектовались контрреволюционными кадрами 2-й кавалерийский полк, с помощью которого генерал Буренин намеревался открыть фронт казакам, батальон связи при штабе 4-й армии и 3-я минноперевзвная рота. Заговорщики собирали военно-шпионские

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 349, лл. 9, 11.

¹² М. Я. Лацис (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте. М. 1920, стр. 52—54.

сведения для передачи их противнику, готовили взрывы мостов и крушения воинских поездов. Во главе их стояли известные тогда эсеры И. Куликовский¹³, Д. Нечкин, Г. Васильев, В. Рейзнер. Расследование дела о саратовской организации (дело «46») позволило чекистам раскрыть также петроградскую и московскую подпольные эсеровские организации. Во время ареста одного из членов московской организации, Н. Гладкова, у него нашли квитанцию о сдаче саквояжа в камеру хранения на Николаевском вокзале. Когда чекисты вскрыли саквояж, в нем оказался динамит, доставленный из Петрограда¹⁴.

...Колчаковский переворот в Сибири, отстранивший там «социалистов» от власти, заставил правых эсеров пересмотреть свою политику соглашательства с белогвардейцами. Избранный в ноябре 1918 г. на съезде членов Учредительного собрания комитет призвал сибирские, казачьи и словацкие воинские части выступить против Колчака. Делегация комитета в составе бывшего председателя «Комуча» В. Вольского, секретаря съезда Н. Святицкого, товарища секретаря Шмелева совместно с некоторыми ответственными работниками эсеровской партии (Н. Ракитниковым, К. Буревым, Б. Черниковым) начала переговоры с Советским правительством о «примирении». В феврале 1919 г. в Петрограде состоялась партийная конференция правых эсеров, проживавших на территории Советской России. Участники конференции признали, что международный империализм ведет к реставрации монархии, и отказались от поддержки интервенции и вооруженной борьбы с Советской властью. В резолюции говорилось: «Конференция решительно отвергает попытку свержения Советской власти путем вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократии и все растущей силе контрреволюции служит только на пользу последней, и ею пользуются реакционные группы в целях реставрации». Конференция отказалась от «всякого блокирования и коалиции с буржуазией»¹⁵.

19 февраля 1919 г. делегация комитета съезда членов Учредительного собрания и Советского правительства достигли соглашения, и 26 февраля ВЦИК вынес постановление: «Ввиду того, что партийная конференция правых социалистов-революционеров Советской России в своих резолюциях от 8 февраля 1919 года: 1) решительно отвергла попытки вооруженной борьбы с Советской властью, признав, что подобная борьба служит только на пользу контрреволюции и реставрации; 2) решительно высказалась против иностранного вмешательства в дела России, выставив требование очищения территорий, занятых иностранными войсками; 3) призвала свои партийные организации к свержению реакционных правительств в областях, находящихся во власти германских и союзных империалистов; 4) решительно отвергла всякий союз с буржуазными партиями и, таким образом, признала ошибочность всей политики мелкобуржуазной демократии, колебания которой привели ее к ряду преступлений против интересов трудящихся масс и способствовали иностранному вмешательству и захвату власти на отдельных окраинах контрреволюционерами. Ввиду того, с другой стороны, что Комитет Съезда членов Учредительного собрания и члены ЦК партии социалистов-революционеров, практически руководившие вооруженной борьбой против Советской власти на Восточном фронте, прекратили вооруженную борьбу и призвали мобилизованные ими воинские части обратиться свое оружие против Колчака, действуя совместно с Советской властью, ЦИК после переговоров ее делегации... с Президиумом Съезда членов Учредительного собрания... постановил: отменить свое постановление от 14 июня 1918 года по отношению ко всем группам партии эсеров, считающим для себя обязательными... постановления партии социалистов-революционеров и Комитета членов Учредительного собрания, предоставив им право наряду с другими партиями принимать участие в советской работе, и предложить административным и судебным органам в Советской республике освободить из заключения тех членов партии социалистов-революционеров, которые разделяют точку зрения, изложенную в вышеуказанных резолюциях и разъяснениях»¹⁶.

30 июня 1919 г. Верховный революционный трибунал освободил от суда и наказания обвиняемых по делу саратовской, петроградской и московской подпольных организаций эсеров, выразивших солидарность с резолюцией своей партийной конференции. Больше того, правые эсеры, несмотря на то, что они не были избраны делегатами, были допущены на VII Всероссийский съезд Советов для представительства своей партии. Таким образом, правым эсерам еще раз предоставлялась возможность пересмотреть свою политику и встать на путь сотрудничества с Советской властью.

Однако они этого не сделали. Лидеры партии (особенно группы большинства) продолжали борьбу против Советской власти. Весной 1919 г., в грозный момент наступления белогвардейских банд Колчака, Деникина и Юденича, эсеровский ЦК обратился к Советскому правительству с «ультиматумом», требуя провести перевыборы Со-

¹³ Под именем И. Куликовского скрывался И. Дашевский, член военной комиссии при ЦК партии эсеров. Впоследствии он был амнистирован, вышел из партии эсеров и вступил в Коммунистическую партию.

¹⁴ «Красный архив», 1927, т. I (20), стр. 156—165.

¹⁵ См. «Обвинительное заключение по делу членов Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров». М. 1922, стр. 36.

¹⁶ «Известия ЦИК», 27.II.1919.

ветов. Партия, потерпевшая поражение, не имевшая влияния среди трудящихся, пыталась диктовать условия! Дальнейшее поведение эсеров и решения центральных органов их партии показали, что они рассматривают политику отказа от вооруженной борьбы с Советским правительством только как тактический маневр. 29 декабря 1919 г. ВЧК вынуждена была произвести обыски и задержать ряд активистов и членов ЦК партии правых эсеров. На сентябрьской конференции 1920 г. партия правых эсеров приняла такую резолюцию: «Учитывая, что IX совет партии постановил временно приостановить вооруженную борьбу с большевиками, ...что быстрая ликвидация Деникина и Колчака обнаруживает невозможность торжества буржуазной реакции... Наконец, констатируя широкое повстанческое движение народных масс, конференция предвидит неизбежность в будущем восстановления партией вооруженной борьбы с большевистской властью»¹⁷. X совет партии эсеров, собравшийся в августе 1921 г., уже заявил: «Вопрос о революционном низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня, становится вопросом существования российской трудовой демократии»¹⁸. Эта резолюция знаменовала собой полный отказ эсеров от решений их февральской конференции 1919 г. и возвращение на позиции VIII совета партии эсеров (май 1918 г.) относительно вооруженной борьбы с Советской властью. Начался новый этап борьбы...

В начале 1922 г. бывшие члены партии правых эсеров Г. Семенов (Васильев) и Л. Коноплева осветили ее деятельность. Коноплева направила заявление в ЦК РКП(б) и дала показания в ГПУ, а Семенов опубликовал за границей брошюру «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.». Как непосредственные участники преступлений партии эсеров, они указали на тщательное скрывавшиеся, неизвестные до того факты применения эсерами в прошлом террора против виднейших деятелей большевистской партии и Советского государства. Так, весь мир узнал, что злодейское убийство М. М. Володарского, а также ранение вождя рабочего класса В. И. Ленина организовали члены эсеровского «боевого отряда».

Вот некоторые обстоятельства тех событий. 20 июня 1918 г. в Петрограде, на Невском вагоностроительном заводе, состоялся митинг по случаю перевыборов в Советы. Перед рабочими выступил видный деятель большевистской партии, член Президиума ВЦИК, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации М. М. Володарский. После митинга автомобиль Володарского из-за нехватки горючего остановился на одной из улиц недалеко от Фарфорового завода. М. М. Володарский и сопровождавшие его сотрудницы Смольного Н. А. Богословская и Е. Я. Зорина, выйдя из автомашины, направились пешком к находящемуся поблизости зданию местного Совета. В это время показался неизвестный, который быстро пошел за Володарским и, догнав, несколько раз выстрелил в него, а затем бросился бежать. Убийцу пытались настичь прохожие, но он, бросив бомбу, скрылся. М. М. Володарский, смертельно раненный в сердце, скончался на месте. Было ясно, что здесь действовала рука контрреволюции, но обнаружить убийцу не удалось. 30 августа около 10 часов утра в Петрограде, на Дворцовой площади, в здании комиссариата внутренних дел, выстрелом из револьвера был убит председатель Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией М. С. Урицкий. Убийца пытался скрыться на велосипеде. В погону за ним на автомобиле помчались красноармейцы, которые почти настигли его у дома № 17 по Миллионной улице. Террорист скрылся в этом доме; в одной из квартир он снял с вешалки пальто, переделался и направился к выходу, но был схвачен красноармейцами. Террористом оказался Леонид Канегиссер, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, студент 4-го курса Политехнического института, член партии народных социалистов.

В тот же день около 7 часов вечера в Москве, у завода Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича), после состоявшегося там митинга неизвестная женщина совершила покушение на В. И. Ленина, произведя в него три выстрела из револьвера в то время, когда Владимир Ильич подходил к ожидавшему его во дворе автомобилю. Двумя пулями В. И. Ленин был тяжело ранен, третья попала в беседовавшую с ним участницу митинга М. Г. Попову, слувившую медицинкой сестрой в больнице. Находящийся на митинге помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии С. Н. Батулин бросился с толпой рабочих разыскивать убийцу и, заметив неподалеку на Серпуховской площади подозрительную женщину, задержал ее. Рабочие — очевидцы происшествия — опознали в ней террористку. Это была двадцативосьмилетняя Ф. Каплан.

На допросах, произведенных заместителем председателя ВЧК Я. Х. Петерсом, народным комиссаром юстиции Д. И. Курским, председателем Московского революционного трибунала А. Дьяконовым и заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК Н. М. Скрипником, Каплан твердила: «Стреляла в Ленина я. Решилась на этот шаг еще в феврале... Стреляла по собственному побуждению... Я совершила покушение лично от себя... Кто дал мне револьвер, не скажу... Стреляла я по убеждению... Я считаю себя социалисткой, сейчас ни к какой партии себя не отношу... Я стоя-

¹⁷ «Обвинительное заключение по делу членов Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров», стр. 42.

¹⁸ Там же, стр. 50—51.

ла за Учредительное собрание и сейчас стою за это... По течению эсеровской партии я больше примыкаю к Чернову [группа центра]. Самарское правительство принимаю всецело и стою за союз с союзниками против Германии... Я не хотела бы говорить подробностей»¹⁹.

Политическая обстановка в стране была в те дни напряженной. Чекисты ликвидировали тогда заговор дипломатических представителей стран Антанты (заговор Локкарта); еще продолжались поиски скрывшихся главарей савинковского «Союза защиты родины и свободы». Террористы могли принадлежать и к эсеровским группам (правым и левым), ведшим открытую борьбу против большевиков. Но Ф. Каплан отрицала причастность эсеров к террористическому акту, а Центральный комитет партии правых эсеров официально заявил в печати: «Ввиду поступающих со стороны местных организаций запросов по поводу убийства т. Урицкого в Петрограде и покушения на т. Ленина в Москве Центральный комитет партии социалистов-революционеров заявляет, что ни одна организация партии к этим актам отношения не имеет»²⁰. С таким же заявлением выступил в прессе и Центральный комитет партии левых эсеров. Между тем террористические акты вызвали бурю негодования рабочего класса. Советские и партийные органы не могли сдержать гнева народа. Повсюду еще до принятия каких-либо решений правительством рабочие массы по собственной инициативе начали ответный красный террор против врагов революции. В таких условиях ВЧК расследовала террористические акты и должна была нанести немедленный ответный удар по контрреволюции. Все это не дало в то время возможности вскрыть все обстоятельства покушений. 3 сентября 1918 г. было исполнено постановление ВЧК о расстреле Каплан²¹. Примерно в то же время расстреляли в Петрограде и убийцу М. С. Урицкого — Л. Канегисера²².

Разоблачения, сделанные Г. Семеновым и Л. Коноплевой, о причастности партии правых эсеров к убийству М. М. Володарского и ранению В. И. Ленина, произвели потрясающее впечатление. ГПУ и следственные органы Верховного революционного трибунала произвели тщательные расследования, а затем дело рассматривалось с 8 июня по 7 августа 1922 г. в открытом судебном заседании. Этот процесс, проходивший в условиях гласности, публичности и предоставления подсудимым права на защиту, вылился в суд над партией социалистов-революционеров и ее деятельностью в годы гражданской войны. Органы ГПУ и следственный аппарат Верховного революционного трибунала собрали обширный материал — партийные решения с.р., письма, вещественные доказательства и показания многих лиц, — который убедительно подтверждал обвинение. Размах следствия был исключительным. Число обвиняемых, проходивших по материалам расследования, составило 218 человек. Перед судом Верховного революционного трибунала предстало 34 человека (прочие были за границей и т. п.). Обвиняемые делились на две группы. Одну из них составляли бывшие активисты, участники боевых групп партии правых эсеров: Г. Семенов, Л. Коноплева, И. Дашевский, Г. Ратнер, К. Усов, Ф. Зубков, Ф. Федоров-Козлов, П. Ефимов, П. Пелевин, Ф. Ставская и другие. Эти лица непосредственно занимались диверсиями, подрывными, экспроприаторскими и террористическими актами по поручению своей партии, но с течением времени они поняли преступность своих действий, гибельность политики партии эсеров и порвали с ней. Во время расследования и на суде они рассказали о своих преступлениях, чем и способствовали разоблачению эсеровских лидеров. Их показания явились существенной частью доказательств. Другую группу обвиняемых составляли члены Центрального комитета партии эсеров: А. Гоц, Е. Тимофеев, Д. Донской, Л. Герштейн, М. Лихач, Е. Ратнер-Элькинд, М. Веденяпин, М. Гендельман-Трабовский, Н. Иванов, Д. Раков, Ф. Федорович, С. Морозов и другие. Они защищали политику своей партии и не отказывались от продолжения борьбы с Советской властью. На суде они попытались выгородить себя и свою партию.

Наиболее важной частью судебного процесса явилось изучение данных о покушениях на жизнь В. И. Ленина и М. М. Володарского. Четыре года эти факты тщательно скрывались эсерами, лидеры этой партии не признавали их и на суде. Они заявляли, что их партия, применявшая террор в борьбе с царским режимом, не практиковала его в отношении деятелей Советского правительства и большевиков. Но это было не так. После Великой Октябрьской социалистической революции правые эсеры не останавливались перед применением любых средств в политической борьбе с большевиками и Советской властью. В эсеровских партийных организациях культивировались террористические настроения; в конце 1917 г. члены Центрального комитета партии эсеров А. Гоц, Е. Ратнер и В. Чернов неоднократно выступали с заявлениями террористического характера; за применение террора в отношении деятелей Советского

¹⁹ Протоколы допросов Ф. Каплан впервые были опубликованы в журнале «Пролетарская революция», 1923, № 6—7 (18—19).

²⁰ См. «Известия ЦИК», 6.IX.1918.

²¹ «Известия ЦИК», 4.IX.1918.

²² В 1920 г. Б. Савинков опубликовал за границей брошюру с изложением истории своей борьбы против советского народа. Он писал, что руководимый им «Союз защиты родины и свободы» тоже разрабатывал в 1918 г. план убийства В. И. Ленина.

правительства и большевистской партии высказывались целые эсеровские организации (петроградская, харьковская). Наконец, в феврале 1918 г. ЦК партии эсеров официально обсуждал этот вопрос. На заседании выявились две точки зрения: одни (Чернов и другие) высказались за террор, другие (Сунгин) считали невозможным применение террора против Советского социалистического правительства и большевиков. Победили сторонники террора. Однако принятое ими решение держалось в секрете. На судебном процессе эсеровские руководители уверяли, что эсеровский ЦК большинством голосов принял отрицательное решение о терроре. Но показания участников боевых эсеровских отрядов подтверждали обратное. И тогда члены ЦК, пытаясь избежать ответственности за столь позорные для «социалистов» действия, заявили, что отдельные эсеры применяли в отношении Советской власти и большевиков террор «самовольно», без санкции партии.

Вот что было установлено на судебном процессе. Впервые замысел совершить покушение на жизнь В. И. Ленина возник у эсеров в феврале 1918 г., в частности у члена петроградского комитета партии эсеров Л. Коноплеву, которая поделилась им с руководителем военной работой при ЦК Б. Рабиновичем и членом ЦК А. Гоцем. Занявшись о том, чтобы партия эсеров не несла ответственности за террор, Коноплева предложила придать покушению форму «индивидуального акта». Это означало, говорила она на суде, что «акт должен был совершиться с ведома партии, с ведома ЦК, но я, идя на это дело, не должна была заявлять, что это делается от имени партии... и даже не должна была говорить, что являюсь членом партии»²³. Б. Рабинович и А. Гоц от имени партии санкционировали злодеяние. В марте 1918 г. Коноплева вместе с приглашенным ею эсером П. Ефимовым выехала из Петрограда в Москву для исполнения своего замысла. В организации слежки за В. И. Лениным, добывании оружия, финансировании «предприятия» Коноплеву помогали находившиеся в Москве члены ЦК партии эсеров Рихтер, Е. Тимофеев и М. Веденяпин. Но дело продвигалось плохо, и приехавший в апреле в Москву член эсеровского ЦК А. Гоц «предложил Коноплеву ликвидировать «предприятие».

Эти факты были установлены на суде показаниями Коноплеву и Ефимова. И тогда Гоц признал, что ему было известно о намерении, или, как он выразился, «навязчивой идее», Коноплеву, но она якобы отговаривала его от злодеяния. «ЦК в своем значительном большинстве,— говорил Гоц на суде,— занял по отношению к террору определенную отрицательную позицию. Об этой отрицательной позиции Коноплева была осведомлена Рабиновичем. Тем не менее она хотела и добивалась свидания со мною. Почему? А потому, что она ставила тогда этот вопрос в несколько другой плоскости. Она заявила, что она и не хочет поступать от имени партии, она лишь добивается моральной санкции, поддержки, выяснения отношения ЦК для того, чтобы пойти на это дело... У меня с нею было свидание... Я ей заявил об отношении партии к террору... Коноплева настаивала тогда передо мною на том, чтобы я выяснил отношение ЦК... В ответ на ее просьбу я решил просить Рабиновича, который направлялся в Москву по целому ряду дел, между прочим, поставить перед ЦК этот вопрос в том своеобразном, новом разрезе, в той коноплевской его постановке, в которой она выразилась передо мною тогда... Рабинович привез отрицательный ответ. Он передал мне, что бюро ЦК не сочло приемлемым ее предложение и в той интерпретации, в той форме, которую она хотела придать этому акту». Далее Гоц утверждал, что решение ЦК партии было передано Л. Коноплеву, и он считал вопрос ликвидированным. О встрече с Коноплеву в апреле 1918 г. в Москве Гоц повествовал так: «Я застал ее в угнетенном, растерзанном виде... Она рассказала мне о том, что решила... на свой риск и страх попытаться это дело осуществить. Но здесь она убедилась в полной тщетности всех своих попыток и начинаний... Она произвела тогда впечатление такого душевно удрученного и морально разбитого человека, что я только мог сказать одно: бросьте не только вашу работу, которую вы ведете, но бросьте всякую работу и поезжайте в семью отдохнуть»²⁴. Так закончилась первая эсеровская попытка организовать покушение на жизнь В. И. Ленина.

В мае 1918 г. начальник эсеровской боевой дружины в Петрограде Г. Семенов, решив совершить террористические акты против руководителей Советской власти и большевистской партии, повел переговоры с членами ЦК своей партии А. Гоцем и Д. Донским, чтобы получить санкцию на организацию для этого грязного дела специальной группы. Такая санкция была получена, и при ЦК партии с.-р. был создан под командованием Семенова «центральный боевой отряд» для выполнения террористических и подрывных задач. В его состав Семенов привлек боевиков-эсеров Коноплеву, Федорова-Козлова, Сергеева, Усова, Иванову и приступил к подготовке покушений на жизнь руководителей большевистской партии. В результате деятельности этого отряда и был убит М. М. Володарский. На суде Семенов показал, что убийство совершил член его отряда Сергеев: «Когда один из моих боевиков — Сергеев — направился на очередную слежку [за Володарским] на Обуховскую дорогу, он спросил меня, что если будет случайная возможность легко произвести покушение, как быть? Я указал, что... нужно действовать, поскольку вопрос санкционирован ЦК, а [право определить] время

²³ ЦГАОР СССР. ф. 1005, оп. 1-а. д. 368, лл. 111—112.

²⁴ Там же, лл. 166—169, 170—171.

и день действия, бесспорно, принадлежит боевой организации... Как раз такая возможность представилась, и товарищ Володарский был убит. Сергееву удалось благополучно бежать»²⁵. После этих показаний подсудимые — члены ЦК партии эсеров и их единомышленники из заграничной эмигрантской делегации ЦК вынуждены были признать, что им было известно об убийстве М. М. Володарского членом эсеровской боевой группы Сергеевым. Они попытались представить это событие как случайный эпизод, не связанный с указаниями партии и совершенный по вине Семенова и Сергеева. В. Чернов и Б. Рабинович утверждали в эмигрантской печати, будто убийство было совершено самовольно Сергеевым, который якобы «не стерпел», встретившись случайно с М. М. Володарским. Б. Рабинович заявил, что, узнав об убийстве, он потребовал объяснений от Семенова, в дружину которого входил Сергеев. Семенов сказал, что дело было для него неожиданным, что он и сам оказался перед свершившимся фактом, «но я об этом не жалею, — говорил якобы Семенов, — убили, и прекрасно. Я на это шел и беру на себя полную ответственность. Мне в высокой степени наплевать на все постановления партии. Если ждать постановлений и циркуляров, то ничего не сделаешь»²⁶. В свою очередь, Гоц заявил на суде: «Относительно террористических настроений Семенова я знал; он этого не скрывал... [Незадолго до убийства Володарского] он обратился ко мне с вопросом, как ЦК относится сейчас к террору, не считает ли ЦК, что ситуация изменилась и в связи с этим не изменилось ли отношение ЦК?... Я Семенову, конечно, мог дать только один ответ, который я и дал, — ответ отрицательный... Когда произошло убийство Володарского, 20 июня, мы недоумевали, не знали, как объяснить это событие... У меня возникло слабое подозрение, ибо я тогда вспомнил разговор, который у меня имел место с Семеновым. Я на другой день потребовал, чтобы мне было устроено свидание с Семеновым... На мой вопрос, как все произошло, что имело место... Семенов ответил буквально следующее: «Я никакого отношения к этому делу не имел, я сам встал перед совершившимся фактом...» И затем рассказал, что один из рабочих, дружинник, совершенно случайно встретившись на пустынном месте с Володарским, как он говорил, не выдержал и выстрелил в него». Пытаясь доказать, будто он боролся с террористическими настроениями в партии, Гоц далее заявил: «После убийства Володарского... после того, как мне стало ясно из этого факта, что в дружине появились террористические настроения, я счел необходимым распорядиться, чтобы дружина была переброшена за линию фронта и там нашла выход своим боевым настроениям»²⁷.

Таким образом, ЦК партии социалистов-революционеров было известно об участии эсеровской боевой дружины в убийстве М. М. Володарского. Тем не менее 22 июня 1918 г. Гоц от имени Петроградского бюро ЦК партии опубликовал дезориентирующее извещение о том, что «ни одна из организаций партии к убийству комиссара по делам печати Володарского никакого отношения не имеет». Семенов на суде показал: «Вполне понятно, что это заявление ЦК возмутило как меня, так и всех боевиков... В тот же день я через Коноплеву получил сообщение, что Рабинович желает со мною видеться около Александринского театра. Это свидание произошло, причем Рабинович в повышенном тоне заявил, что я не имел права делать покушение на тов. Володарского, что в последнем разговоре Гоц сказал, что нужно выждать некоторое время, и я не имел права действовать... Я, в свою очередь, напал на Рабиновича за то, что ЦК позволил себе такую вещь в отношении боевой организации, указав на трусость... Он мне предложил, чтобы я и боевики как можно скорее уехали в Москву. Я указал, что нет никакой надобности переезжать в Москву, что дело сделано настолько умело, что все следы заметены, но он категорически настаивал на отъезде, указав, что партия может подпасть под удар... В конце концов я согласился»²⁸. Центральный комитет партии социалистов-революционеров, таким образом, сохранил террористическую группу Семенова и после убийства Володарского: он лишь перебазировал ее в Москву. И снова в группе началась подготовка террористического акта, теперь уже в Москве, против Владимира Ильича Ленина.

На судебном процессе показаниями Г. Семенова, Л. Коноплевы, И. Дашевского, К. Усова, Ф. Федорова-Козлова, Ф. Зубкова, П. Пелевина, Ф. Ставской и других было установлено, что покушение 30 августа 1918 г. являлось делом «центрального боевого отряда» при ЦК партии эсеров. Участники отряда показали, что члены ЦК партии А. Гоц и Д. Донской в июле 1918 г. санкционировали покушение на жизнь В. И. Ленина. Вскрылись такие подробности: «Центральный боевой отряд» под командованием Семенова, перебазировавшись в Москву, имел в своем составе около 15 человек. В июле член военной комиссии партии эсеров И. Дашевский ввел в отряд и Ф. Каплан. Дашевский показал: «В начале июля я узнал о том, что... Каплан имеет твердое намерение совершить террористический акт против Ленина... Я считал безусловно необходимым, чтобы такого рода выступления, могущие иметь самые различные неожиданные последствия, могли иметь место только под полным контролем и руководством ЦК. Так

²⁵ Там же, д. 350, л. 11. Убийца М. М. Володарского Сергеев не был разыскан.

²⁶ Эта выдержка из статьи в «Голосе России» была оглашена на судебном заседании (там же, л. 103).

²⁷ Там же, лл. 64—66, 78.

²⁸ Там же, лл. 12—13.

что я считал своею обязанностью во что бы то ни стало помешать такому самостоятельному, самочинному и неорганизованному выступлению Фани Каплан. Пойти к ней, уговорить ее, убеждать ее я считал делом беспечным и безнадежным... Я пришел к мысли, что лучшим исходом будет связать ее с Семеновым, ибо я был убежден, что, поскольку Семенов был тесно связан с ЦК, поскольку его работа санкционировалась и проходила под контролем ЦК, постольку здесь нельзя было ожидать никаких таких неорганизованных выступлений, никаких таких сюрпризов, которые могли бы поставить партию в то или иное затруднительное положение... Вскоре я передал Семенову, что есть такая-то и такая-то Фаня Каплан... и я предложил ему познакомиться с Каплан и заявить ей о том, что он имеет определенные полномочия на выполнение того самого дела, к которому ее так неудержимо влечет, уговорить ее отказаться от сепаратной, самочинной, несанкционированной работы и принять участие в его организованной работе, подчиняясь уже директивам партийного центра. Семенов согласился. Я их познакомил... Семенов сообщил, что ему удалось уговорить ее отказаться от самостоятельной работы и войти в его отряд»²⁹.

Отряд Семенова начал готовить покушение. В Москве в то время еженедельно проходили митинги на предприятиях, и В. И. Ленин часто выступал на них. Заговорщики разделили город на четыре части и назначили четырех исполнителей покушения. В часы митингов районный исполнитель находился в условленном месте (центре района). О появлении В. И. Ленина на том или ином предприятии ему сообщали дежурные террористы, которые специально для этого посылались на крупнейшие заводы и фабрики. Один из членов террористической группы, подсудимый К. Усов, говорил на суде: «Все наши руководящие лица: Семенов, Елена Иванова и Коноплева категорически настаивали, чтобы убийцей Ленина непременно был рабочий. Это... мотивировали они... послужило бы большой агитацией против Коммунистической партии. [Они настаивали], чтобы исполнителем убийства товарища Ленина был я»³⁰. Кроме Усова, исполнителем террористического акта были назначены Федоров-Козлов, Каплан и Коноплева. Но не так-то просто было решиться на столь злодейское покушение. Усов, встретив на одном из митингов В. И. Ленина, не смог выполнить преступного задания. «Ленин был встречен громом аплодисментов и восторженными криками,— говорил Усов на суде,— и, конечно... я... не решился... Я стрелять не стал»³¹. Так же поступил в другом случае Ф. Федоров-Козлов.

В день покушения Каплан на заводе Михелсона дежурил член террористической группы Новиков, который и сообщил ей о приезде Владимира Ильича. Каплан явилась на завод. Когда Владимир Ильич, окруженный рабочими, выходил из помещения, где только что закончилось собрание, Новиков умышленно споткнулся и застрял в двери, сдерживая выходивших людей. В это-то время Каплан и сделала предательские выстрелы.

Уличенные в организации покушения, подсудимые — члены ЦК партии эсеров вновь прибегли к версии, которую они неоднократно выдвигали на процессе. Они пытались изобразить действия Каплан и Семенова как самовольные. Но когда на суде выяснилось, что накануне покушения Каплан встречалась с членом ЦК партии Д. Донским, который одобрил ее преступный план, то Донской поспешил заявить: «[Во второй половине августа 1918 г.] Семенов мне сообщил, что в отряд хочет выступить старая каторжанка Каплан, у которой есть определенные террористические замыслы и желания. Я сказал, что хочу с нею повидаться... Было назначено свидание... Она категорически подтвердила в присутствии Семенова ее настроение и пожелание. Я совершенно ясно сказал, что партия террористической борьбы не ведет, и добавил еще, что в таком положении, в каком она находится, желая выступить с террористическим актом, она ставится вне партии, если выступит... Это было очень незадолго до покушения на Ленина, так что, когда произошло покушение, у меня явилась первая мысль о ней... [Через два дня] мне удалось встретиться с моими товарищами по Бюро. Обсудивши и выяснив положение, мы решили выпустить сообщение... о непричастности партии к этому покушению, тем более я утвердился в этой мысли, когда узнал из газет имя Каплан»³².

Отказ эсеровских лидеров признать покушение на В. И. Ленина «партийным делом» вызвал недовольство у членов «Центрального боевого отряда». Семенов на суде заявил: «После покушения на Ленина в газетах появилось сообщение от Московского бюро ЦК о том, что партия эсеров непричастна к этому покушению. Это произвело на наш отряд впечатление ошеломляющее... Мы никак не могли понять, каким образом могло произойти такое предательство... На собрании я указал на недопустимость отношения ЦК и предложил, чтобы кто-нибудь из боевиков вместе со мной пошел бы к Донскому... что ЦК должен взять обратно свое решение. У нас состоялось свидание... Донской сказал, что партия обратно не возьмет этого решения, что сейчас идет красный террор, что если мы это решение возьмем обратно, то вся партия в целом будет подвергнута разгрому. В конце концов мы с Новиковым, ничего не добившись, вернулись обратно... В связи с отказом ЦК у нас в боевой организации создалось настолько

²⁹ Там же, д. 374, лл. 76—79.

³⁰ Там же, д. 373, л. 165.

³¹ Там же, л. 173.

³² Там же, д. 372, лл. 164—165.

тяжелое настроение, что боевая организация дольше существовать не могла... [Только] мы пятеро считали возможным продолжать эту работу от имени «боевой группы эсеров»... В связи с этим решением я был у Донского, сообщил, что большинство боевой организации перебрасывается на фронт, и указал на террористическую группу, которая собирается продолжать работу под таким названием [«боевая группа эсеров»]. Донской сказал, что под таким флагом группа работать не может... Он сказал, что единственная возможность, которая осталась — эта мысль ему понравилась, — действовать как народные мстители, черные маски, вот это дело хорошее, тут партия будет в стороне и, с другой стороны, капитал приобретем, удар основательный нанесем Советской власти»³³. Подсудимые А. Гоц, Е. Тимофеев и С. Морозов на суде также подтвердили, что Семенов «оказал содействие» Каплан, дав ей револьвер для террористического акта. Тимофеев вместе с тем признал, что после заявления эсеровского ЦК о непричастности партии к покушению на жизнь В. И. Ленина рядовые эсеровские боевики выражали недовольство поведением ЦК.

Верховный революционный трибунал произвел тщательный анализ всех показаний и документов и дал судебную оценку всему делу. Он устанавливал «участие членов ЦК и членов партии социалистов-революционеров в террористических актах, экспроприациях и подрывной работе специально в отношении каждого из обвиняемых в отдельности», то есть чисто судебным путем. В результате трибунал пришел к следующим выводам: «1) в конце 1917 г. члены ЦК партии с.-р. А. Гоц, Е. Ратнер и В. Чернов делали декларативные заявления террористического характера, причем никем из других членов ЦК эти заявления опровергнуты не были; 2) в феврале 1918 г. ЦК партии с.-р. обсуждал вопрос о терроре ввиду наличия в партии и ее центральном комитете серьезного террористического течения... Установлено, что в мотивировке члены ЦК разошлись... Поправка члена ЦК Сунгина (противника террора) была отклонена; была принята резолюция Чернова (сторонника террора). Сунгин вышел из ЦК; решение ЦК не было не только опубликовано во всеобщее сведение, но не было известно даже ответственным членам партии... 3) при ЦК партии с.-р. действовала боевая группа, во главе которой стоял Семенов и которая получала боевые... экспроприаторские и подрывные задания от членов ЦК; 4) эта боевая группа производила террористические действия, поддерживая связи, получая указания на сей предмет от членов ЦК — Гоца и Донского. Связи с ЦК партии группа поддерживала через Семенова и, кроме того, через Коноплеву и Е. Иванову... 5) члены ЦК партии с.-р. Гоц, Донской и Герштейн и уполномоченный ЦК Рабинович участвовали в организации террористических актов, экспроприаций и подрывов. Члены ЦК партии с.-р. Тимофеев, И. Иванов, Е. Ратнер и М. Веденяпин были, по крайней мере частично, осведомлены об этой работе; 6) убийство товарища Володарского организовано партийной боевой организацией, действовавшей при ЦК партии с.-р. Убийца товарища Володарского — Сергеев и стрелявшая в товарища Ленина — Фаня Каплан были членами этой организации и членами партии с.-р.» Далее, Верховный трибунал установил, что подсудимые Г. Семенов, Л. Коноплева, Е. Иванова, К. Усов, Ф. Зубков, Ф. Федоров-Козлов, П. Ефимов, П. Пелевин, Ф. Ставская участвовали в террористической и подрывной работе боевой группы при ЦК партии эсеров, а И. Дашевский руководил военной организацией партии с.-р. и содействовал вхождению исполнительницы покушения на В. И. Ленина члена партии с.-р. Каплан в боевую группу при эсеровском ЦК³⁴. Так была раскрыта тайна убийства М. М. Володарского и покушения на жизнь В. И. Ленина.

Судебный процесс над группой членов ЦК партии социалистов-революционеров показал, что эта партия была связана с иностранными державами, осуществляла диверсионную, подрывную и террористическую деятельность против Советской власти с начала Великой Октябрьской социалистической революции и вплоть до судебного процесса. Даже те члены ЦК, которые находились под стражей в момент принятия X советом партии с.-р. резолюции о возврате к политике вооруженной борьбы с Советской властью, солидаризировались с такой политикой. Арестованные Гоц, Донской, Тимофеев, Ратнер и другие, воспользовавшись мягким режимом заключения, установили нелегальные связи с действовавшими в стране эсеровскими партийными организациями и из тюрьмы пытались руководить их работой. 5 сентября 1921 г. они отправили вновь избранному Центральному бюро партии письмо, в котором писали: «С радостью узнали мы о благополучном исходе X совета партии. X совет партии совершенно правильно заявляет, что главным заданием является преодоление диктатуры правящего правительства». Эти подсудимые и на суде заявляли, что не отказываются от вооруженной борьбы с Советской властью.

Верховный трибунал после 50-дневного тщательного судебного разбирательства приговорил членов ЦК партии социалистов-революционеров А. Гоца, Д. Донского, Л. Герштейна, М. Гендельмана-Грабовского, М. Лихача, Н. Иванова, Е. Ратнер-Элькинд, Е. Тимофеева; членов различных руководящих органов партии С. Морозова, В. Агапова, А. Альтовского; члена ЦК партии народных социалистов В. Игнатьева и деятелей «центрального боевого отряда» при ЦК партии с.-р. Г. Семенова, Л. Коноплеву и Е. Иванову-Иранову к расстрелу. Десятерых подсудимых — ответственных деятелей эсеровской партии, в том числе членов ЦК Д. Ракова, Ф. Федоровича и М. Веденяпина,

³³ Там же, лл. 166—167.

³⁴ «Приговор по делу правых эсеров». М. 1922, стр. 24—25.

а также непосредственных участников террористической и боевой деятельности партии эсеров П. Ефимова, К. Усова, Ф. Зубкова, Ф. Федорова-Козлова, П. Пелевина, И. Дашевского и Ф. Ставскую — к разным срокам тюремного заключения. Двое подсудимых (С. Ратнер и Ю. Морачевский) были оправданы. Вместе с тем Верховный трибунал обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством об освобождении ряда осужденных от наказания³⁵.

8 августа 1922 г. Президиум ВЦИК, рассмотрев приговор Верховного трибунала, дал такую политическую оценку судебному процессу: «Верховный трибунал РСФСР вынес приговор по делу небывалых еще в истории преступлений против революции и трудящихся со стороны партии, которая революцию и социализм написала на своем знамени. В величайшей борьбе исторических сил, где, с одной стороны, были капитал, привилегии, короны, церкви, все формы и способы насилия имущих над неимущими, а с другой стороны, восставшие рабочие массы России при возрастающем сочувствии трудящихся масс всего мира,— в этой борьбе партия социалистов-революционеров встала целиком на сторону капитала, угнетения, реакции. Свою организацию и свой авторитет, выросшие на борьбе с царизмом, она обращает целиком на борьбу с правительством рабочего класса. Заговорщические, террористические приемы борьбы она направляет против органов и вождей трудовой Республики. Подпольную конспирацию боевых дружин она сочетает с тайными происками и секретными фондами миссий и посольств мирового империализма. Ее прямыми союзниками являются генералы, монархисты, бывшие царские бюрократы, помещики, капиталисты, священники, кулаки. Она открывает ворота иностранной интервенции и поддерживает стремя каждого кандидата в Наполеоны. Всей этой работой руководит Центральный комитет партии, состоящий из людей с большим политическим опытом, знающих, чего хотят, понимающих, что делают. Все затруднения и бедствия блокированной империалистской рабоче-крестьянской страны служат Центральному комитету партии эсеров для того, чтобы вызвать вмешательство, восстания, покушения, кровавые конфликты, углублять хаос, умножать раны и страдания трудящихся и таким путем вызвать крушение Советской власти, на смену которой могла бы прийти только власть торжествующей буржуазии. Центральный комитет партии социалистов-революционеров организует попытки восстаний в армии, во флоте, в крестьянстве против Советской власти, начиная с ноября 1917 года и кончая сегодняшним днем. Всей политикой партии социалистов-революционеров вдохновленные и фактически рукой ее Центрального комитета направляемые боевики партии совершают ряд убийств и покушений на деятелей, которым рабочие и крестьяне России вверили ответственные посты в своей Республике. В метаниях между активной службой буржуазной реакции и тщетными усилиями удержать остатки доверия рабочих масс партия социалистов-революционеров пропитывается двойственностью, лживостью, лицемерием: фактически подталкивает к убийствам и организует их, официально отказываясь от них; поддерживает, питает, организует каждое движение против Советского строя, из каких бы черносотенных источников оно ни исходило, не беря на себя открыто ответственности».

Далее в постановлении ВЦИК указывалось, что буржуазная и правосоциалистская печать всего мира взяла под защиту разоблаченную судебным процессом партию эсеров и воздействует в этом смысле на отсталые массы рабочего класса. Поэтому Президиум ВЦИК, «признавая, с одной стороны, в полной мере правильность и революционную целесообразность приговора Верховного трибунала, принимая, с другой стороны, во внимание наличие отсталых, запуганных буржуазией и обманутых социал-демократией слоев мирового рабочего класса и ставя себе в данном случае задачей дать трудящимся наглядный урок революционного действия...— постановляет: 1) Приговор Верховного Трибунала в отношении к подсудимым: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельману, Грабовскому, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнер-Элькинду, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому и Е. Ивановой-Ирановой, приговоренных к высшей мере наказания, утвердить, но исполнению приостановить. Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольную заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать. Наоборот: применение партий социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контрреволюционного террора и мятежа... 2) В отношении Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федорова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство Верховного трибунала о полном освобождении их от наказания — удовлетворить»³⁶. Судебный процесс по делу членов ЦК партии социалистов-революционеров повлек за собой важные политические последствия: еще раз раскрыв перед трудящимися действительное лицо этой партии, он углубил давно уже шедший процесс разложения в ее рядах.

14 января 1924 г. Президиум ЦИК Союза ССР вновь рассмотрел вопрос об эсерах и признал возможным «в связи с общим, основанным на росте хозяйственного возрождения, укреплении Советской власти внутри страны, ростом доверия по отношению

³⁵ Там же, стр. 24—30.

³⁶ Там же, стр. 39 и сл.

к ней со стороны трудящихся масс и, как результат этого укрепления, ростом международного значения Советской власти» смягчить участь осужденных. В результате лицам, приговоренным ранее к высшей мере наказания, расстрел был заменен заключением на пять лет. Другим осужденным срок лишения свободы был сокращен наполовину³⁷. Вскоре же осужденные были вообще освобождены из заключения.

(Окончание следует)

³⁷ «Правда», 15.I.1924.
